

Колесник Е. С. «Эйдетический мимезис» как художественная интерпретация архетипа // Европейский исследователь : Международный мультидисциплинарный журнал. – Сочи. - № 3-1 (70), 2014. – С. 516-520.

26.00.01. – Theory and History of Culture. Теория и история культуры

УДК 130.2 – культурология

“EIDETIC MIMESIS” AS THE ARTISTIC INTERPRETATION OF ARCHETYPE

Elena Sergeevna Kolesnyk,

National Academy of the Administrative Cadres of Culture and Art (Kiev, Ukraine). Doctorate student. Candidate of Philosophy

e-mail kirill_bryl@mail.ru

Annotation: The article introduces the term “eidetic mimesis” as a designation of the artistic interpretation of the archetype (in the ontological meaning of the term). The common trait of the different mythopoetic systems is the belief in the existence of human being, society and the world as the re-creation of the precedental first events and first things. Such re-creation of archetype that sacralizes the everyday life, can take such forms as the natural, practical, ritual and artistic. The latter form remains and takes new meanings in the developed cultures. For example, it can be seen in the phenomenon of the icon as the means of the manifestation of the transcendental Absolute. The essence of the phenomenon can be defined as the “eidetic mimesis” because we see here the mirroring of the reality (the main characteristics of the mimesis), but the object of this mirroring is not the appearance of the things, but their inner entity – eidos.

Key words: archetype, artistic interpretation, culturological hermeneutics, eidos, mimesis.

Введение. В наше время нередко звучит мысль, что человечество переходит к принципиально новой фазе своей истории. Это требует обобщения накопленного эмпирического материала и приближения к построению

универсальной концепции человеческой культуры, которая позволила бы более осмысленно прокладывать путь в будущее. Поэтому одним из главных направлений в гуманитарных дисциплинах XX – начала XXI веков становится поиск инвариантных элементов, лежащих в основе культуры – как в ее конкретных формах, так и в наиболее широком, всечеловеческом смысле. Исследование универсалий, прежде всего, архетипа, становится особенно актуальным в связи с тотальной ремифологизацией современного искусства.

Материалы и методы. Культурологические и философские труды, касающиеся понятия архетипа и смежных с ним, можно разделить на первоисточники, и на историографию вопроса. Это разделение не является абсолютным, поскольку большинство авторов XIX – XXI веков, излагая учения предшественников, предлагают и собственную концепцию, как это делают, например, П. Юркевич в «Идее» или А. Лосев в «Истории античной эстетики». В работах по фольклористике архетипам соответствуют «мотивы», что позволяет подключать теоретические разработки А. Аарне, М. Грушевского, К. Леви-Стросса, В. Проппа, С. Томпсона, И. Франко, О. Фрейденаберг и многих других представителей разных наук и направлений, которых объединяет внимание к фундаментальным основам культуры. Термин «архетип» в его современном понимании был обоснован и популяризирован в работах К. Г. Юнга, чье учение повлияло на «теоретиков» (мифологи М. Элиаде, Дж. Кэмпбелл, литературоведы К. Клухорн, Г. Рохайм, Н. Фрай, Р. Чейз и другие) и «практиков» (И. Бергман, Г. Гессе, Дж. Джойс, Т. С. Элиот, Ф. Кафка, Т. Манн, Ф. Феллини) художественной культуры. Представление о художественной деятельности как воссоздании архетипа, так или иначе отразилось в работах М. Бахтина, А. Бергсона, Л. Выготского, К. Г. Каруса, М. Хайдеггера, Й. Хейзинги, Ф. В. Й. Шеллинга, О. Шпенглера. Тематика также освещена в работах таких культурологов и эстетиков как Е. Алексиенко, А. Канарский, А. Кирилюк, В. Личковах, Л. Плющ. Понятием мимезиса занимались Р. Арнхейм, О. Дубова, Н. Никитина, В. Татаркевич и другие.

Таким образом, наличествующего фактического материала и теоретической базы достаточно для осуществления междисциплинарного и межпарадигмального культургерменевтического синтеза с использованием таких методов как компаративно-исторический, структуральный и архетипный анализ. Целью нашего исследования является введение и обоснование понятия «эйдетического мимезиса» для обозначения художественной интерпретации архетипа как в традиционном так и в современном искусстве.

Обсуждение. В самом общем смысле, толкования понятия архетипа можно разделить на две группы: 1) понимание его как чисто психологического феномена, или же 2) признание его онтологической реальности в духе платоновского эйдоса. В данной статье мы анализируем практические результаты второго подхода.

Историю понятия «архетип» принято начинать с трудов Платона (см. [1]), однако учение греческого философа является лишь новым этапом развития древнего мировоззренческого представления. Это подтверждается наличием в различных мифологических системах представлений, очень близких к античному эйдосу. Исследуя этот «прото-эйдос» Э. Б. Тайлор в 1871 г. использовал слово «архетип» [2]. В частности, он пишет про распространенное верование о том, что каждый вид животных имеет свой первообраз, одушевляющий всех представителей этого вида. Именно этот первообраз отображается в протоискусстве, в том числе, в таких специфических формах, как «рентгеновские» рисунки, с помощью которых художник пытается дать наиболее полное представление о сути изображаемого существа.

Для мифопоэтики безусловным является положение о том, что истинное творение имеет место в идеальном мире в первичные времена. Возникающий в процессе космогонии (или же предшествующий ей) вечный образ – архетип – продолжает и в дальнейшем порождать новые формы. Этот «прецедентно-платонический» характер мифопоэтического мышления предполагает, что первособытия и первовещи должны быть как можно точнее воссозданы человеком. Такое воссоздание архетипа, сакрализирующее повседневную

жизнь традиционного общества, можно разделить на четыре тесно взаимосвязанных типа: природное, бытовое, ритуальное и художественное.

Природное воссоздание онтологического архетипа связано с самим биологическим существованием человека, который представлялся живым образом божества, или даже всего Космоса – вплоть до установления корреляций между количеством дней календаря и количеством костей человеческого тела (Древний Египет).

Воссоздание архетипа в бытовой деятельности происходило практически в каждом акте, который рассматривался как повторение установленных божествами первичных акций. Это придавало человеку уверенность в правильности и необходимости этих форм поведения и подчеркивало его значение в поддержании общего космического порядка. Как показала О. Фрейденберг, каждый бытовой предмет первоначально был чем-то вроде идола, превращавшего жилище в подобие храма [3, 179]. Мифопоэтическая сакрализация пространства проявлялась на разных уровнях – отдельного дома, поселения, целой страны. Вероятно, наиболее четко она проявилась в символике культовой архитектуры (см. [4]).

Воссоздание архетипа становилось самоцелью в ритуале, где человек призывал на помощь космические силы, либо же сам пытался уподобиться им.

Наконец, четвертый тип воссоздания онтологического архетипа мы видим в искусстве – причем не только в протоискусстве мифопоэтических времен, но и в современных арт-практиках. Само слово «воссоздание» (или, в хайдеггеровском духе, «вос-создание») является практически полным синонимом «репрезентации», которая, по Ю. Головей, предполагает «условно-символический характер изображения, нетождественность с оригиналом. Одновременно – сущностную связь через подобие» [5, 9]. Таким оригиналом и является онтологический архетип / эйдос.

По нашему мнению, сущность этого явления можно обозначить как «эйдетический мимезис», поскольку речь идет именно о подражании, копировании действительности, которое является основной характеристикой

мимезиса. Однако объектом подражания тут выступает не внешний облик предметов, а их внутренняя сущность – эйдос. В частности, о разных типах мимезиса (предметно-телесном, процессуально-динамическом, психоэмоциональном, идейно-смысловом) писал Ю. Юхимник; последний тип ближе всего к выделенному нами эйдетическому мимезису.

Зависимость понимания сущности мимезиса от мировоззренческих установок определенной культурной среды хорошо заметна на примере неродственных этнокультурных традиций. В этом смысле весьма показательны два диаметрально противоположных значения слова «реализм». Одно из них связано с тем художественным направлением, которое в советской гуманитарной традиции представлялось вершиной развития искусства и заключалось в узнаваемом отражении природных и общественных явлений. Другое понимание реализма заставляет нас вспомнить известную средневековую дискуссию, где позиция реалистов заключалась в утверждении объективной реальности универсалий – то есть, признании за ними статуса эйдосов. В этой связи можно также упомянуть, что русские религиозные мыслители конца XIX – начала XX в. призывали к созданию нового большого стиля, который обозначали как «мистический реализм».

В случае эйдетического мимезиса, изображение объекта является узнаваемым, но далеким от апеллесовского иллюзионизма.

Рассмотрим две его основные формы – вербальную и визуальную.

Для мифопоэтического видения мира характерно отношение к поэту (сказителю) как персонифицированной мудрости, обожествленной памяти народа. Во многих культурах поэты приравнивались к священнослужителям или чародеям. Большой фактический материал по этой теме систематизировал И. Франко, который, в частности, обратил внимание, что «старое латинское название *carmen*, получившее в литературном языке значение «стих», «поэма», сначала обозначало заклятие, колдовское заклинание...» [6, 76 - 78]. Как подытожил Й. Хейзинга, поэт превращает божественное в человеческое и поднимает человеческое на уровень божественного.

Во многих случаях предполагалось, что рецитация определенного нарратива приносит успех в соответствующем деле. Это представление переносилось и на записанные тексты. Именно вера в то, что передача рассказа в неизменной форме приносит удачу и тем, кто его переписывает, и тем, кто его читает, стала одним из факторов хорошей сохранности древних сюжетов ирландских саг.

В зрелой культуре Нового времени связь искусства с онтологическими принципами бытия признавалась многими романтиками (Новалис), а также русскими религиозными философами и писателями-символистами (А. Белый, Вяч. Иванов, В. Соловьев). К. Г. Юнг выделил две формы художественного творчества – психологическую и визионерскую, причем более интересной он считал вторую, где автор, в значительной степени неосознанно, интерпретирует архетипное содержание психики, трансформируя его в художественные образы. Если учесть, что сам Юнг склонялся к признанию за архетипами некоей онтологической реальности, то и в этой теории есть прямые выходы на то, что мы обозначили в качестве эйдетического мимезиса.

Одним из основных источников того особенного значения, которым издавна наделялся поэт и его творения, была вера в мистическую сущность слова как выражения внутренней сущности предмета. Имя представлялось связанным с самой душой своего носителя, поэтому знание истинного имени означало власть над ним. Тот, кто знает истинные имена вещей, владеет ими. Кто произносит эти имена – им приказывает. Такой взгляд на слово как заклинание, а текст – как вербальный аналог Космоса был близок многим литераторам; в частности, похожие мысли можно найти у А. Белого, Н. Гумилева, С. Т. Колриджа. Теоретическое осмысление креативной функции слова дал А. Потебня.

Для представителей традиционного общества произведение искусства выступало в качестве доказательства бытия изображенного объекта. Это относится и к нарративам (логика типа: «если бы это не было правдой, то это не рассказывали бы» действует и в наше время), и к визуальным образам. Уже в

XX веке описан случай, когда народная сказительница, увидев в музее «живых» богатырей на картине В. Васнецова, приняла это как доказательство того, что все ее былины – правда [8, 11].

Функция «свидетельства» хорошо описана на материале православных икон. Икона является недискурсивной формой познания Абсолюта (см. [9]), феномен чего непонятен вне контекста воссоздания онтологического архетипа (см. [10, 45]).

В раннехристианской философии мир рассматривается как система образов и символов, исходным пунктом которой является Бог как первообраз (архетип) для последующих отражений. По Клименту Александрийскому, первым образом Бога является Логос, образом Логоса – разум или душа человека, сам человек становится третьим образом Бога. Произведения искусства оказываются четвертым отображением высшей реальности. Однако, православная эстетика, в основном, не осуждает их как «тени теней», а видит их ценность в том, что они способны сохранять и передавать «мысленные образы». Зритель должен не останавливаться на созерцании красок картины или «словесных красок» текста, а должен стремиться узреть эйдос, который художник выявил с помощью этих красок.

При слиянии знака с первообразом, внутренний эйдос в изображении виден зрителям лучше, чем в самом первообразе. Поэтому икона – не бледная тень оригинала, а форма его выражения, специально ориентированная на выявление его видимого аспекта. При этом изображение, хотя и подражает лишь внешнему виду архетипа, передает зрителю информацию и о его непредставимой сущности.

Такими образом, икона не изображает, а репрезентирует. Отсюда ее роль «свидетеля» (П. Флоренский) или «документальной фотографии» (В. Бычков). Если есть изображение – должен существовать оригинал; поэтому сама возможность изобразить Христа служила в теологических дискуссиях доказательством Его материальной природы.

Если икона отображает тот же самый неизменный эйдос, то эти изображения непременно должны быть каноничными – отсюда подробные указания для иконописцев.

С секуляризацией искусства представления о каноне не исчезли, но трансформировались. На смену иконописному лику пришли индивидуализированный портрет, социальный тип, и обобщенная обнаженная натура. Казалось бы, до архетипа во всех случаях весьма далеко. Однако, как показал К. Кларк, изображение идеальной телесности могло иметь одной из своих целей создание родового образа прекрасного человека. Отсюда не так далеко до платоновского эйдоса, хотя искусство Нового времени, при всем своем осознанном подражании античности, не воссоздало идеал калокагатии, а выработало свой собственный канон.

И даже портрет, несмотря на всю его конкретность, может превращаться в образ определенного исторического или вечного типа. Формы обобщения конкретного жизненного материала тут различны. Но, в любом случае, создание такого образа-идеи является результатом сложного осмысления бытия, в котором художник выступает как исследователь и философ.

В XX веке стремление представителей многих направлений авангарда лишить изображаемые предметы случайных свойств может рассматриваться как художественная параллель философской эйдетической редукции [11, 438]. Это опять-таки, возвращает нас к теме эйдетического мимезиса, хотя и в новом, совершенно не религиозном духе.

Если в традиционном искусстве вещи открывали свои скрытые значения, то в искусстве постмодерна они раскрывают разве что отсутствие этих значений: вещь может стать чем угодно, она «растворяется», смыкаясь со сферой симулякров. Такой же подход распространяется и на человека, который часто уже не предстает образом Бога, или хотя бы просто целостным существом, а сводится к набору тех или иных свойств. Такое «опредмечивание» человека и мира нередко вызывает протест и творцов и публики, что ведет к стихийным попыткам создания нового «большого стиля».

Результаты и выводы. Как мы увидели, воссоздание онтологического архетипа является целью разнообразных форм как религиозного, так и светского искусства. В мифопоэтическом противоискусстве речь идет о магическом сближении изображения, реального объекта и его идеальной сущности. В развитых религиозных традициях культовое искусство выступает способом выявления присутствия трансцендентного Абсолюта. В секулярном искусстве Нового времени эйдетический мимезис сближается с философскими поисками психологических и онтологических основ бытия. Однако во всех случаях речь идет о репрезентации «более истинной» реальности.

Разрушение осмысленной картины мира, происшедшее в современном искусстве, постепенно сменяется поисками утраченной целостности, как путем переосмысления традиций, так и путем создания авторских символических универсумов. В таком контексте вполне вероятно, что эйдетический мимезис в своих разных проявлениях будет занимать все большее место в художественной культуре, а значит – заслуживать дальнейшего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Северинова М. Ю. Архетип: ейдос чи ідея. Від платонівської ідеї до ентелехії Аристотеля // Культура і Сучасність : альманах. 2013. № 1. С. 131- 138.
2. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. 573 с.
3. Фрейденберг О. М. Лекции по введению в теорию античного фольклора // О. М. Фрейденберг. Миф и литература древности. Екатеринбург : У-Фактория, 2008. С. 5-288.
4. Мухин А. С. Дом человека и божества: сакральные характеристики архитектурного объекта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38). Часть I. – С. 133-137.

5. Головей В.Ю. Сакральне в мистецтві: проблеми образотворчої репрезентації: монографія. Луцьк: вид-во Волин. нац. ун-т ім. Лесі Українки, 2012. 420 с.
6. Франко И. Из секретов поэтического творчества. М.: Искусство, 1967. 168 с.
7. Калугин В.И. Мир былинного эпоса // Былины. М.: Правда, 1987. С. 5-16.
8. Булгаков С. Икона и иконопочитание в православии // Православие и культура. 1993. № 2. С. 73-79.
9. Юхимик Ю.В. Міметичні основи східнохристиянського іконопису // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету імені Т.Г.Шевченка. Випуск 26 : сб. наук. праць. / Чернігів, 2004. С. 45-48.
10. Никола У. Иллюстрированный философский словарь. М.: изд-во БММ АО, 2006. 584 с.

NOTES

1. Severinova M. Yu. Arhetip: eidos chy ideya. Vid platonivskoi idei do entelehii Aristotelya // // Kultura I Suchasnist'. 2013. № 1. P. 131- 138.
2. Tylor E. B. Pervobytnaya kul'tura. – М.: Politizdat, 1989. 573 p.
3. Freidenberg O. M. Lektsii po vvedeniyu v teoriyu antichnogo folklora // O. M. Freidenberg. Mif i literatura drevnosti. Ekaterinburg : U-Faktoria, 2008. P. 5-288.
4. Mukhin A. S. Dom cheloveka i bozhestva: sakral'niye kharakteristiki arkhitekturnogo ob'ekta // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 12 (38). I. – P. 133-137.
5. Golovei V. Yu. Sakral'ne v mystetstvi: problemy obrazotvorchoi reprezentatsii. Lutsk: vydavnitstvo Volyn'skogo natsional'nogo universytetu, 2012. 420 p.
6. Franko I. Iz sekretov poeticheskogo tvorchestva. М.: Iskusstvo, 1967. 168 p.
7. Kalugin V. I. Mir bylinnogo eposa // Byliny. М.: Pravda, 1987. P. 5-16.

8. Bulgakov S. Ikona i ikonopochitaniye v pravoslavii // Pravoslaviye i kul'tura. 1993. № 2. P. 73-79.
9. Yukhymnyk Yu. V. Mimetichni osnovy skhidnohkrystyyans'kogo ikonopysu // Visnyk Chernigivs'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universytetu. Vypusk 26. / Chernigiv, 2004. P. 45-48.
10. Nicola U. Illustrirovannyi filosofskiy slovar'. M.: izdatelstvo BMM AO, 2006. 584 p.

УДК 130.2 – культурология

«ЭЙДЕТИЧЕСКИЙ МИМЕЗИС» КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕТИПА

Аннотация: Статья посвящена обоснованию термина «эйдетический мимезис», использующегося для обозначения художественной интерпретации архетипа (в онтологическом понимании слова). Общим положением разных мифопоэтических систем является вера в том, что все бытие человека, общества и мира является воспроизведением изначальных первособытий и первовещей. Такое воссоздание архетипа, сакрализирующее повседневную жизнь, можно разделить на природное, бытовое, ритуальное и художественное. Последняя из этих форм сохраняется и наполняется новыми смыслами в развитых культурах, в частности, проявляясь в феномене иконописи как способа выявления присутствия трансцендентного Абсолюта. Сущность этого явления можно обозначить как «эйдетический мимезис», поскольку речь идет о подражании действительности (что является основной характеристикой мимезиса), однако объектом этого подражания выступает не внешний облик предметов, а их внутренняя сущность – эйдос.

Ключевые слова: архетип, культурологическая герменевтика, мимезис, художественная интерпретация, эйдос.